

Вадим Сухачевский

16+

Злой Октябрь

Исторический триллер

Вадим Вольфович Сухачевский

Злой Октябрь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42279092

SelfPub; 2019

Аннотация

Действие триллера происходит в октябре 1917 г., накануне переворота. Герой повести пытается изловить и покарать некоего Леднёва, серийного убийцу женщин (к тому же являющегося членом большевистской партии и провокатором Охранки). Но наутро после переворота Леднев с алым бантом в петлице является, чтобы арестовать нашего героя... В повести дается широкая панорама революционного Петрограда. Также прослеживается история провокаторства в России.

Предисловие Юрия Васильцева, Председателя Тайного Суда

Старик с кудрявенькой фамилией Борисочкин образовался из праха в тот год, когда из подобного же лагерного праха вдруг начали возникать многие, уже, казалось, и не числившиеся в списке живых. Позвонил в субботу чуть свет, еще восьми не было, затараторил голосом довольно бойким:

– Юрий Андреевич? Простите великодушно за столь ранний звонок (было семь утра), но, знаете ли, уже тот возраст, когда уже каждая минута оставлена – хе-хе! – так сказать, по недоразумению небесной канцелярии. Как у вас нынче со временем?

К этому времени я уже четырежды менял и имя, и фамилию, Юрий Андреевич Васильцев почти пятнадцать лет назад, поэтому моя первая мысль была: «Провокация!» Но дальше сквозь треск в телефонной трубке донеслось:

– Догадываюсь, о чем вы подумали. Однако, если фамилия Борисочкин что-то вам говорит, то...

Неужто тот самый Борисочкин?

Много раз, перебирая лежалые бумаги, наткнулся на его витиеватую роспись и фамилейку, там он и был для меня погребен, в бумажном хламе, под слоями пыли, в коленкорových папках, перевязанный тесемочками. Нет, все еще, оказывается, существовал во плоти, взламывал чужой сон, домогался чего-то своего, к тому же весьма прицеписто. За-

чем-то вдруг ему возжелалось повидаться со мной.

– Что ж, заходите, – сказал я и , только положив трубку, вспомнил, что даже не назвал ему адреса.

Старик, однако, позвонил в дверь через пять минут – видимо, разговаривал из телефона-автомата у моего дома, – и затараторил прямо с порога:

– Рад видеть вас воочию, Юрий Андреевич! А уж как вы на батюшку своего, на покойного Андрея Исидоровича похожи! Просто одно лицо!.. Хотя, когда его не стало, он был, конечно, несколько моложе... Вижу, вижу в ваших глазах вопрос: как, мол, этому старикашке удалось меня разыскать? Не буду выдавать своих маленьких секретов, скажу лишь: есть, есть еще люди! (Свои слова он то и дело разбавлял бодренческими «хе-хе!», что меня уже начинало раздражать.) Тем более, что речь (хе-хе!) вообще не об этом.

К груди он прижимал пухлую, почему-то пахнущую землей папку, из которой то и дело выпадал какой-нибудь ветхий листок бумаги. Старик тут же подхватывал его и бережно засовывал назад

– А речь о том... – с этими словами он наконец положил свою папенцию на стол. – Да, собственно, вот об этом хламе, дохромавшем до вас, как сказал один хороший писатель, «сквозь прах разоренных империй» . Покойный Андрей Исидорович... – Его глаза на миг повлажнели. – Он хотел, чтобы это досталось вам. Однако в ту пору вы были слишком юны, чтобы все постичь, даже о Тайном Суде вы в ту пору

не имели представления. А потом... Ну, что стало с вашим батюшкой, вам и так известно, а я, архивариус Суда, сгинул сами (хе-хе!) понимаете, куда. Но папочку эту успел закопать в надежном месте. А земля, землица – она, в отличие от – хе-хе! – людей, умеет хранить...

Старик снова взял в руки папку, трепетно развязал тесемочки, но не смог удержать свой клад в скрюченных руках, папка упала, бумажный хлам высыпался из нее, усеяв собою ковер. Там были и листы писчей бумаги, исписанные твердым почерком отца, и какие-то наполовину истлевшие вырезки из газет, и какие-то документы с допотопными «ятями» и «ерами

– Ах, ах, старый я болван, что ж это я наделал! – запричитал старик. – Ведь все, все собрано было листок к листку! Что же теперь?..

Он опустился на колени, начал было подбирать листки, но они ложились явно не на место, и старику оставалось только ахать и проклинять свою старость и никчемность.

Я пообещал, что сам сложу все в нужном порядке. Борисочкин отнесся к моим словам с сомнением.

– Ну, допустим, записи вашего батюшки вы сложите как нужно, но газеты... Дух, так сказать, времени... – И вдруг махнул рукой: – А и бог с ними! Все равно (хе-хе!) дух останется духом, ибо, как считают некоторые, он бессмертен. Только прошу вас, не выбрасывайте! Времечко было – ох-ох-ох! Да сами поймете, заглядывая в этот мусор. Ну а запи-

си вашего батюшки – они все о том же, о времени... Хотя, конечно, дело Леднева, вокруг которого слепилось это все, тоже будет для вас небезынтересно. Редкостный, скажу вам, был мерзавец и закоренелый убийца. Я даже допускаю своими (хе-хе!) куриными мозгами, что и гибель вашего батюшки тоже как-то связана со всей этой историей. Ну да вы сами во всем разберетесь.

На какой-то миг – точно въяве...

...Отец сидит на лестничной площадке, держась руками за голову. Из-под пальцев проступает кровь. И он шепчет голосом, в котором все меньше жизни, те загадочные слова: «...травя... страдание...»

Длилось одно мгновение. Передо мной снова стоял старик Борисочкин. Но смотрел не на меня, а словно бы вглядывался блеклыми глазами в ту даль, из которой все эти бумаги выплыли так же неожиданно, как всплыл он сам в мире живых, в этом новом для него мире, где давно уже перечерчены географические карты, где сменилось название вещей, где не осталось ничего, что связывало бы его с этим миром. Просто когда-нибудь кто-то позвонит к нему в дверь, уборщица, за рублем, или пионеры, за макулатурой, и никто не ответит им на звонок.

От чая старик отказался. Хехекнул напоследок и как-то буквально растворился, потому что момента его ухода я не

уловил, слишком сильно уже притягивали к себе эти вторично родившиеся после погребения листы, сейчас распластанные на ковре.

На обложке папки почерком отца было написано: «ПЕРЕДАТЬ МЕМУ СЫНУ ЮРИЮ ПО ДОСТИЖЕНИИ ИМ 18-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА.

Сейчас мне 54. Да, время – вещь непредсказуемая, и я подумал о том, сколь нелепо давать какие-либо связанные со временем распоряжения.

Когда я прочел все бумаги, то решил переписать их, ибо прежние листы порядком истлели, пока таились в земле. Кроме того, я снабдил свои записи комментариями, возможно, иной раз слишком подробными, ибо не хочется, чтобы читающий эти записи отрывался от них, залезая в справочники и словари: уж больно устарели некоторые имена и понятия.

Что же касается газетных вырезок, то я вставил их выбрав порядок на свой вкус, как и посоветовал мне старик Борисочкин. Некоторые напрямую связаны с происходящими событиями, некоторые – лишь косвенно, а иные и вовсе не связаны никак, но, по-моему, дают что-то для понимания того удивительного времени.

.....

На кого рассчитаны мои записи? Вот уж не могу сказать! Ясно, что сегодня изданы быть он никак не могут, и я не оракул, чтобы предсказать, когда настанет время для этого, сколько еще империй должно будет для этого обратиться во прах. .

Впрочем, единственная прелесть жизни – в ее непредсказуемости, так что не стану гадать и пытаться заглянуть в такие дали. .

Нам бы, незрячим, со своими близкими разобраться!

Юрий Васильцев.

Ноябрь 1957 г.

Из записей Андрея Васильцева,
Председателя Тайного Суда

Часть первая

ДО...

Дорогой сын мой Юрочка. Помнишь, несколько лет назад ты спрашивал, что такое Тайный Суд. Я тогда дал обещание, что со временем ты непременно все узнаешь. В ту минуту я был уверен, что, когда наступит срок, непременно все тебе расскажу. Но моя уверенность зиждилась на предположении, что жизнь – штука долгая, и когда-то с неопределенностью настанет этот назначенный срок

Увы, я был слишком самонадеян! Нынче наступили такие времена, что любой миг может оказаться последним. Нет, бумага надежнее, и нынче тешу себя надеждой, что хотя бы эти записи когда-нибудь дойдут-таки до тебя, так что мое обещание все же будет в конце концов исполнено.

И еще. Это мое повествование построено, как дневниковые записи, но оно не является собственно дневником. Я, действительно, делал для себя почти ежедневные заметки в те роковые октябрьские дни 1917 года, но ты сам понимаешь, что вести столь пространный дневник, как тот, что ты прочтешь, у меня попросту не хватило бы тогда времени. Короче говоря, все это – более поздние и более подробные записи, но целиком основанные на тех моих ежедневных заметках. Так что не удивляйся, если увидишь в тексте некоторые забегания вперед, а также мои «охи» и «ахи» по поводу дальнейшей судьбы России, судьбы, о которой в то время я, как и все остальные, мало что мог знать.

Ну а теперь – к делу!..

.....

Во-первых – о самом Тайном Суде. Возможно, он возник еще на заре человечества, ведь не существовало таких времен, когда в мире не попиралась бы справедливость. То есть, кое-где существовали, конечно же, суды, но едва лишь дело касалось сильных мира сего, эти суды тут же становились игрушкой в их руках, и понятно в какую сторону склонялась

чаша весов в руках у незрячей (якобы) Фемиды.

Но были люди, не желавшие смиряться с несправедливостью. Тогда и возник Тайный Суд, суд Истинной Справедливости, укрыться от которого не мог никто. Этот суд выносил свои приговоры, и никому еще не удавалось укрыться от них.

Я приложил вырезку из одной журнальной статьи, посвященной этому вопросу, там почти все соответствует действительности, кроме, пожалуй, одного...

Из бумажного хлама

...Интересны слова, которыми Тайный Суд определял свои приговоры. Это «палка» (Stock), «камень» (Stein), «веревка» (Strick), «трава», (Gras) «страдание» (Grein). И не было вельможи, который не приходил бы в трепет, увидев эти зловещие пять букв – S.S.S.G.G – на стене или на потолке своего замка, как бы укреплен это замок ни был...

...судьбу некоего немецкого барона, который из похоти подвергал надругательствам и смерти крестьянских девушек из своих поместий. Буква «S» («Stock») была начертана у него на потолке, а через день его нашли в лесу прибитого палкой к земле....

...сей французский маркиз надеялся найти убежище в Лувре. Увы, его нашли повешенным в сортире королевского дворца, и буква «S» («Strick») была начертана на стене...

...судьба венецианского патриция, поперхнувшегося камнем («Stein»), находясь в собственном кабинете...

...польского магната, морившего голодом своих крестьян. От приговора Тайного Суда он пытался спастись аж в Южной Америке. Его нашли в пещере в Южноамериканских Кордильерах. Умер он мучительной смертью от голода, ибо вынужден был питаться одной травой («Gras») в течение двух с лишним месяцев...

...В конце XVIII века один английский лорд, сказочно разбогатевший в Индии, решил возродить Тайный Суд и направил на это все свои огромные средства, таким образом, Суд смог просуществовать еще некоторое время...

...ибо, к счастью, в наши цивилизованные времена этот страшный Тайный Суд окончательно ушел в небытие...

(Продолжение записей)

...Да, все в этой статье почти верно, кроме одного. Тайный Суд существует по сей день, выносит и исполняет свои приговоры. И так уж вышло (не удивляйся, сынок!), что волею судьбы твой отец с некоторых пор является никем иным, как председательствующим этого Суда.

В общем, о Тайном Суде ты уже многое понял, да и по ходу дела я буду давать дополнительные разъяснения.

Одно лишь хочется добавить прямо сейчас, чтобы у тебя не возникало ненужных вопросов. Как твой отец, известный адвокат, может участвовать в чем-то противозаконном? Тут надобно сказать об одной особенности этого Суда.

Он не занимается теми делами, с которыми может спра-

виться полиция и наш обычный суд присяжных, то есть делами, касающимися преступников, не достигших слишком высокого общественного положения. Но лишь только речь заходит о более или менее высокопоставленных особах, весы нашей Фемиды сразу приобретают свойство склоняться не в ту сторону, и самое понятие Справедливости превращается в ничего не значащую пустышку. Надеюсь, ты когда-нибудь поймешь, сынок, что так быть не должно, ибо мир, в котором отсутствует Ее Величество Справедливость, становится миром не для людей, а для каких-то двуногих без перьев; не знаю, как тебе, а мне среди этих двуногих, с потухшими взорами, с безнадежностью в лицах, не хотелось бы жить, и не хотелось бы оставлять подобный мир тебе.

«Ну а кровь? – спросишь, возможно, ты. – Ведь и в этом Справедливом Суде, должно быть, не обходится без крови!»

Что тебе на это ответить? В Средние века, чтобы научиться делить, надо было окончить университет (желательно в Италии). Сейчас делить умеют все. Но попробуй-ка раздели справедливость на пролитую кровь, жизнь преступника на жизни его жертв – и все будет выглядеть далеко не так просто. Возможно, когда-нибудь кто-то меня осудит за такое деление, но пока я искренне верю, что выбрал правильный путь. И покончим пока на этом...

Итак...

Глава I

20 октября 1917г.

Буржуя «кокнули». – О Тайном Суде. – Дело Леднева.
—«Хорошая фатера»

Теперь – о том деле, которое привело меня в Петроград в эти роковые для России дни. Это – дело некоего Леднёва. Видит Бог, редко появляются на Земле подобные мерзавцы.

Несколько слов о нем. Родился Георгий Леднев в старообрядческой купеческой семье среднего достатка, где был (как считалось до поры до времени) единственным сыном. К 14 годам ему стало недоставать тех денег, что ему выдавала на содержание его вдовая матушка, и он быстро сообразил, что целое лучше части.

Смерть его матушки не вызвала ни у кого подозрений. Она скончалась, отведав салат с арахисовым маслом, ибо, как потом выяснилось, страдала *allergic reaction* именно на арахис; кто мог о таком знать? И хотя молодой помощник судебного следователя, в ту пору всего лишь коллежский секретарь, по фамилии Лежебоко установил, что именно сын за чем-то покупал в лавке именно это масло, но до поры оставил свои подозрения, юноша казался ему не способным на такое изощренное злодейство. А уж как сей Леднев рыдал на похоронах своей матушки!..

Деньги, правда, до его совершеннолетия должны были находиться под опекой. Опекуном назначили его дядьку, весьма прижимистого купца, который поначалу не слишком-то

баловал юношу...

Это, впрочем, до поры до времени: в некий момент деньги вдруг потекли к юному Ледневу рекой.

Откуда? Да оказывается, все от того же дядьки. Сей бедняга страдал болезнью позвоночника и иногда позволял себе дозу морфина для ослабления болей, но никогда с этим делом не перебарщивал.

И вдруг этого дядьку словно подменили. Он забросил дела, целыми днями лежал на диване с дурацкой улыбкой, речь его стала напоминать бред, взор остекленел; в общем, теперь каждый смог бы распознать в нем законченного морфиниста. А уж племянничку он отваливал, сколько тот затребует – бывало, что и по тысяче в день.

Но распознать болезнь было некому, племянник никого не пускал в дом и всем говорил, что сам обхаживает горячо любимого им дядюшку, а никому другому и прикоснуться к нему не позволит, тем паче, что, видите ли, вызывать врачей ни ему, ни дядюшке старообрядческая религия не позволяет. Так, припеваючи, дожил наш персонаж до совершеннолетия; тут-то и дядюшке в одночасье пришел конец. Диагноз: отравление избыточной дозой морфия.

И снова лил наш Леднев горячие слезы, и снова никто не мог к нему подкопаться: в самом деле – ну мало ли морфинистов у нас в России?

Однако все тот же следователь Лежебоко был в ту пору единственным, кто почувствовал неладное. В тот же день

этот самый Лежебоко изловил одного матерого торговца морфием и крепко взял его в зажим, а уже это он умел! И в конце концов тот признался: да, снабжал юного Леднева морфием ежедневно, а в последний раз продал ему такую порцию, что подумал, будто тот запасается на месяц вперед. Казалось, можно уже брать в оборот и самого Леднева...

Ан, нет! Тем же вечером торговец, который готов был и на суде дать против него показания, зарезан в своей камере в «Крестах» отточенным черенком ложки...

Лежебоко, несмотря на свою фамилию, был человеком деятельным. Он сразу вытащил на допрос двух отпетых уголовников, односидельцев убитого торговца, и такого страха на них нагнал, что один признался: ложкой зарезал он. А когда Лежебоко посулил ему какие-то поблажки, признался и в том, что ему за это передали с воли деньги, и передал их никто иной, как все тот же самый Леднев..

Кажется, иди, хватай!..

Но не тут-то было. Уже на другой день признавшийся целиком отказался от своих слов, верно, сообразил, что два-три лишних года на сахалинской каторге – это еще не самое страшное. Куда страшней другое: найдется и на него такая же ложка в «Крестах», поскольку этот парень, как видно, шутить не привык.

А Леднев себе жирует вовсю. Заводит романы сразу с пятью самыми дорогими демимонденками Петербурга, пьет только «Клико», проигрывает иногда по десять тысяч за раз,

в общем, живет в свое удовольствие.

И тут – беда! Родной братец вдруг у него обнаружился. Братец этот был старше него лет на пятнадцать. В юности устал от побоев отца, сбежал из дому, прибил к цыганскому табору, а себя представил утонувшим, утопив свою одежду в Неве. Начитался, в общем, видать, Толстого и Чернышевского.

Но теперь, прознав о свалившемся наследстве, вдруг взял да и воскрес. .

А уж как младший-то братец был рад!

Вот только радость его была не долгой. Не прошло и двух недель, как старшенькому свалилась на голову мраморная плита при входе в дом и размозжила голову. Кто ее туда подвесил, почему упала, – иди гадай. Младшенький, понятно, был безутешен.

Но вот подошла пора – закончились родительские денежки. Ни тебе демимонденки, ни «Клико», ни казино. И тогда Леднев избрал новый путь к добытию денег: начал выгодно жениться, благо, обладал весьма смазливой мордашкой. Да женился все на вдовушках, да все на богатеньких.

Первая скончалась уже через неделю. Врачи признали, что смерть – естественная, от чахотки, которой та, действительно, болела. В один день изошла кровью. Вот только поражались: чахотка-та была в самой начальной стадии, с такой, бывает, и десятилетиями живут. Да еще один доктор обнаружил в ее организме вещество, разжижающее кровь, но то

заключение куда-то затерялось (его потом отыскал все тот же неутомимый Лежебоко, к этому времени успевший дорасти в чине до надворного советника, и вложил в свою папку с делами Леднева, которая за несколько лет уже изрядно распухла).

Еще одна вдовушка сверзилась с обрыва в своем ландо, еще одна скончалась от укуса змеи (ну, взбрело ей в голову по лесу побродить, ну, бывает), еще одна угорела от неисправной печки. В общем, женитьб таких с быстрым смертельным окончанием было на счету нашего персонажа штук десять.

Лежебоко понадеялся, что тут уж даже наш либеральнейший суд присяжных едва ли поверит в совпадения и со своей объемистой папкой под мышкой, наконец отправился к городскому прокурору. Тот выслушал его внимательно, похвалил за усердие и обещал незамедлительно передать дело в суд. Тут бы, казалось, и сказке конец.

Ан, сказка эта по сути еще и не начиналась. Ибо когда Иван Савельевич Лежебоко явился к прокурору на следующий день, тот был красен от гнева и при виде следователя едва не затопал ногами:

– Да как вы... Да как вы, сударь, только осмелились?!..

Вот с этого и надо бы начать, ибо все, о чем я рассказывал тебе прежде – всего лишь рядовая уголовщина, хоть и немалая по своим масштабам.

Но давай-ка я продолжу историю Леднева немного позже,

а пока поясню, почему я, на время оставив тихую Москву и несовершеннолетнего сына (помнишь, тебя тогда на время пристроили к тетушке), приехал в революционный Петроград самолично, хотя для подобных случаев у Тайного Суда существуют (уж не пугайся) профессиональные палачи и судебные заседатели рангом пониже. Да и вообще хочется рассказать тебе, как жила столица в это бурное время и чем она встретила меня.

.....

Первое, что встретило меня по выходе из Николаевского вокзала, был выстрел. Стреляли явно где-то неподалеку, но мало кто вообще обратил на это внимание, такое уж времечко наступило.

Поймав извозчика, я спросил у него – дескать, что произошло. Он посмотрел на меня недоуменно:

– А что, барин?

– Как «что»?! Стреляли.

– А-а... Ну да, ясное дело – стреляли. Видно, вы, барин, нездешний, вот вам и в диковину. А тут постреливают, все уж привыкли. Должно, буржуя кокнули. Не любят здесь сейчас буржуёв... – И добавил: – И вам бы, барин, шляпу эту снять, без шляпы тут оно все ж побезопасней. И пинжачок этот... Не любят здесь теперь пинжаков.

Через минуту, сворачивая на Невский, мы проезжали мимо убитого. Крови у него из-под «пинжака» натекло уже из-

рядно. Проходившие мимо то ли старались не смотреть в его сторону, то ли, действительно, настолько за последнее время притерпелись к подобным происшествиям, что попросту уже и не замечали.

Вот так же как собаку пристрелили Цыганова, палача Тайного Суда, лишь за то, что он вмешался, когда два босняка пытались надругаться над юной барышней, и ничуть не помогло его знание смертоубийственных способов борьбы, столько раз его прежде спасавшие, что он даже оружия никогда не носил. Зато всегда носил на себе хорошо пошитый «пинжак», так что, возможно, его – именно из-за этого...

А заседателя Тайного Суда Петрова в Кронштадте революционные матросики утопили в сортирной яме, и уже не узнать – то ли за какую-то в их понимании провинность, то ли так, шутки ради. Что касается второго заседателя, Витицкого, то его просто настигла на улице шальная пуля.

Да, после августовских событий Питер был буквально наспигован оружием, и мгновенно в городе наступило полное озверение. Теперь у правительства не было никаких сил, чтобы сдерживать вооруженный сброд.

– Чем платить будешь, барин? – спросил извозчик, пока я рылся в кошельке, но, увидев царскую рублевку, закивал одобритительно. – Вот это я понимаю! А то все норовят эти фитильки всунуть, а мне их куда девать?

Тут я должен кое-что пояснить. Для тебя это, быть может, новость, поскольку в Москве и после революции остались в

ходу прежние, царские деньги, но в Питере сложилась иная ситуация. Такая вот. Временное правительство начало печатать свои деньги, так называемые «керенки», но царские по-прежнему были в цене, причем в цене несравнимо большей. И не удивительно! На одном листе печаталась сотня «керенок» по двадцать рублей каждая (а уж нарежай сам, если не лень).

А теперь посчитай-ка, сколько должен был стоить такой лист. Вроде бы выходило 2000 рубликов. Но печатались еще и отдельные бумажки достоинством в 100 и 250 рублей, на них было издевательски начертано, что они-де обеспечены золотыми запасами новоиспеченной республики. И хотя это была чистая ложь (никакого золота у правительства к этому времени не было в помине), но по странной революционной арифметике, такая 100– и 250-рублевая бумажка была несравнимо дороже того 2-тысячного листа. Ну а все они вместе не шли ни в какое сравнение с благородной «катей», которая, как это не удивительно, тоже пока была в ходу.

Ах, у многих, должно быть, математиков в ту пору мозги съехали набекрень! О том же, каково приходилось счетоводам, горестно даже думать.

Но это уж так, к слову.

– Куда путь держим? – спросил извозчик.

– В гостиницу.

– Эх, барин, – вздохнул он, – сразу видать, нездешний вы.

Акромя «Англетера», все гостиницы власть позанимала.

– Им что, министерств мало? – удивился я.

– В министерствах – там министры. А в гостиницах – другая власть. «Советы» там теперь заседают .

– Ну давай тогда в «Англетер».

– Что толку? Там все одно местов нет.

– Отчего так?

– Да иностранщины понаехало, англичан всяких и французишков. Все видеть хотят, как гибнет Россия.

– Ладно, давай езжай прямо – может, кто квартиру сдает.

Мы тронулись. Однако, вняв совету извозчика, я велел ему остановиться у первой же одежной лавки и целиком сменил свой гардероб. Вышел я оттуда в штанах-галифе, заправленных в сапоги и в кожаной куртке, на голове у меня была кепка, в какой ходят рабочие. В общем, смотрелся я теперь, как мне казалось, вполне по-революционному.

– Так-то оно получше, – одобрил мое переоблачение извозчик, – глядишь, сразу не кокнут... Да только вот...

– Чтò? – не понял я.

– Только вот новое все, опытный человек сразу углядит, что ряженный. Вам бы лучше на рынке купить себе какого-нибудь старья, коли вшей не страшитесь.

– Нет уж, увольте, – сказал я, ибо вшей на дух не переносил. – Что, вши, по-вашему, тоже непременно атрибут революции?

– Не знаю, про какой вы тут изволите атрибут, – ответил

он, — но со вшами, ей-ей, целее были бы. Впрочем, воля, гражданин-товарищ, ваша. — И больше мы за дорогу мы с ним не обменялись ни словом.

Я стал приглядываться к домам, ища на подъездах объявления о сдаче внаем квартир, но долгое время на глаза мне попадались только нецензурные слова, намалеванные буквами в пол-аршина. Как я читал у одного историка, такой же вид имели стены Рима времен упадка империи, хотя никакой революции там, как известно, не было — нельзя же считать революцией нашествие варваров. Именно это, подумал я, и произошло сейчас со столицей моей несчастной страны. Правда, в данном случае варварами были мои же соотечественники, и вот это было мне чертовски обидно.

То тут, то там висели обрывки плакатов «ВСЯ ВЛАСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ! ». Все они также были испещрены бранными словами и перепачканы сортирными нечистотами.

У нас, в Москве, к «Учредилке» было в ту пору куда более теплые отношения, мы считали, что только она направит Россию на истинный путь. Впрочем, в Москве и не стреляли на улице средь бела дня, а здесь я за время нашего пути успел услышать с десятков выстрелов, прогремевших где-то неподалеку. Спрашивать своего возницу об их причине я не стал — и сам мог бы ответить его словами: «Буржуя кокнули». Азбука революции уже понемногу входила в меня.

Неужели и те господа революционисты, которых мне не

раз доводилось защищать перед судом присяжных, видели грядущую жаждемую ими революцию именно такой – с ма-
тюгами на стенах, со вшами под одеждой, с кокнутыми средь
бела дня «буржуями»?

Наконец, проезжая по Фонтанке, я на ходу успел про-
честь объявление: «ЗДАЕЦЦА ХАРОШАЯ ФАТЕРА ЗА-
НЕДОРОГО». Здесь я и велел извозчику остановиться.

«Харошая фатера» (несмотря на загаженный подъезд) са-
ма по себе оказалась действительно хорошей – в бельэтаже
красивого дома, с каминами во всех комнатах, с лепниной на
потолках, с удобной мебелью. Поразил только хозяин, зане-
дорого здававший ее, какой-то тип вполне бандитского вида,
с проваливающимся от застарелого сифилиса носом, одетый
в вонючее тряпье.

– Здесь прежде сам граф Курбатов проживал, – стал он
объяснять, расхваливая «фатеру». – Ну, то есть, прожи-
вал-то он в своем доме на Екатерининском канале (там сей-
час Совет заседает), а эту держал для бабенки своей. Ножки
у ее, говорят, были больно хороши, она ими в балете дрыга-
ла. А когда и его, и бабенку евоную таво, тогда мне братва и
поручила смотрящим за фатерой быть: чтобы сдал хороше-
му человеку.

О судьбе графа Курбатова, которого я немного знал
прежде, и балерины Мариинского театра Евгении Извиц-
кой не хотелось спрашивать, ибо по глазам нового владель-
ца я догадался, что «таво» – синоним революционного слова

«кокнули». Как-то больно уж односторонне пополнялся мой революционный словарь.

– Ты, к примеру, из каких будешь? – спросил сифилитик. – Случаем не из буржуёв?

– Да не, защитничек он! – сказал другой человек, тоже весьма разбойничьего вида, высунувшийся из соседней двери. – Помнишь, мне тогда, в девятьсот четвертом году, десять лет каторги ломилось, а этот уломал суд, чтобы дали только пятерик.

О Боже! Я узнал его. Это был Васька Крученный, вор и убийца, которого я, действительно, защищал перед присяжными в тысяча девятьсот четвертом году. А если б не я со своим чертовым адвокатским красноречием, он бы, глядишь, за десять лет и сгнил где-нибудь в Сибири. Нет же, дотянул до этих дней, когда пришло наконец время таких вот васек крученных.

Да, сын мой, как ты видишь, профессия адвоката далеко не всегда служит во благо человечеству!

– Так-ыть, выходит, все равно из буржуёв, али как? – с сомнением спросил сифилитик

– Буржуи – они тоже разные бывают, – ответил на это Васька Крученный. – Этот – полезный буржуй.

– Ну, если вправду полезный... – Фортуна явно уже склонялась в мою сторону.

– Полезный, полезный, – держал мою сторону Васька Крученный. – Он и товарища Урицкого защищал.

Вот Урицкого помню очень хорошо. Зараженный романтическим духом тогдашней революции, относился я к нему даже с симпатией и был очень рад, что мне удалось добиться для него лишь трех лет ссылки вместо каторги.

Теперь, оказывается, он был товарищем Васьки Крученого и этого сифилитика.

— Ну, если товарища Урицкого... — проникся сифилитик. — Тогда чего ж не впустить, раз хороший человек?

Насчет «незадорного» мы быстро договорились, стоило мне показать из бумажника угол «кати», и мне было наконец дозволено располагаться в этих хоромах.

.....

Первая ночь на новой «хорошей фатере» прошла, можно сказать, благополучно, хотя клопы кусались безжалостно (но я так устал, что почти не замечал этого). Клопы, конечно, никак не принадлежали графу Курбатову. Это были новые, революционные клопы, какие-то особенно наглые и безжалостные. Кроме того, в ту ночь меня пытались не то убить, не то ограбить. Но, поскольку я все-таки пишу эти строки, то и нечего жаловаться на судьбу.

А было так. Едва сон начал овладевать мною, как я почувствовал у себя на горле холод клинка. Темнота не давала разглядеть лица, но по сиплому голосу я сразу узнал того самого сифилитика.

— Говори, где кошель прячешь, — сказал он, — не то...

Договорить не успел. Слава Богу, уроки, полученные от

покойного палача Тайного Суда Цыганова были в свое время мною неплохо усвоены, я моментально завернул руку нападавшего за спину и хорошенько боднул его лбом в остаток носа. Он рухнул отчаянно воя и что-то причитая.

Вблизи бабахнул выстрел, нападавший, значит, был не один. Я в ответ тоже выстрелил в темноту, не зря на всякий случай держал свой браунинг под подушкой.

Больше нападавшие не стали испытывать судьбу, уже через минуту их сапоги громыхали по лестнице.

Я встал, придвинул ко входной двери тяжелый шкаф и две тумбочки, но о сне теперь не приходилось и думать, так же, как и о том, чтобы еще хоть на день задерживаться на этой «фатере занедорого». Некоторое время я смотрел в окно на темный город. Впрочем, совсем уж темным он как раз-то и не был – во всех направлениях виднелись горящие костры. Судя по их числу, город был наводнен бродягами и прочими бездомными. Наверно, такое же зрелище когда-то наблюдали осажденные варварами римляне.

Признаюсь тебе, Юрочка, что когда-то в юности я, романтически настроенный недоросль, жаждал революции, она виделась мне в благородных чертах. Да, она могла быть и жестокой, как во Франции, но все равно благородно жестокой, похожей на ту полуобнаженную женщину, Свободу на баррикадах с картины Эжена Делакруа. Но такой, с вонью, с клопами, с бандитами-сифилитиками, с матюгами на стенах, с за...нными подъездами – такой я никак не ожидал.

Ладно, мало ли всяческих глупостей может бродить в юных головах!..

.....

Ну а теперь вернусь к тому, на чем я прервался несколько страниц назад – к делу Леднева.

Помнишь, я остановился на том, что прокурор грубо вытолкал следователя Лежебоку из своего кабинета? Однако наш надворный советник был не из тех, кого можно запугать начальственным топаньем, он решил самостоятельно докопаться до причин такого оборота дела и, взяв отпуск, засел за бумаги.

Фактически в течение этого месяца он выполнял работу счетовода. Благодаря своей природной дотошности, он имел все данные по доходам Леднева, то есть по наследствам, доставшимся тому от усопших вдовушек, а также по его расходам (на то у него было немало осведомителей), и в конце концов пришел к выводу, что суммы не сходятся: доходы изрядно превышают расходы.

Может, Леднев, копил деньги?.. Нет, это было сомнительно: перед каждой новой женитьбой он был гол как сокол и занимал деньги под немалый процент, чтобы пустить пыль в глаза очередной невесте. Куда же девались деньги, лишние сотни тысяч, по подсчетам судебного следователя?

И, вспомнив наиболее известные случаи из недавнего времени, наш Лежебоко пришел к выводу, все более крепнущее

му: Леднев – провокатор Охранки. Одной рукой он отдает часть денег на революцию, другой сдает тех же самых революционистов. Короче говоря, новый Азеф. Отсюда и гнев прокурора (явно подогретый сверху). Все помнили, как заплатились многие высшие чины, когда дело Азефа вышло наружу, никому не хотелось повторения такого позора.

Уж не знаю, откуда следователь Лежебоко узнал о существовании Тайного Суда, однако узнал все-таки, и понял, что в данном случае только этот суд может восстановить справедливость. Ведь Леднев входил в касту неприкосновенных, а именно за таких и брался Тайный Суд.

Не так давно судебному следователю удалось выйти непосредственно на меня, дело было в январе, совсем незадолго до свержения самодержавия. Он привез мне все документы.

Да, наш неприкосновенный был мерзавцем наивысшего разряда! Особенно меня потрясло его последнее злодеяние. Дело в том, что очередная богатая вдовушка имела четверых детишек в возрасте от трех до десяти лет; понятно, все они также должны были наследовать ее деньги, но делить наследство на пятерых никак не входило в планы Леднева, и он решил расправиться со всеми разом.

Купил всем детям хорошенькие матроски, и вместе с ними и с женой отправился осматривать свою новую яхту (надобно сказать, что он состоял и продолжает состоять членом Петроградского Яхт-клуба, куда и не всякого графа допустят). Когда все семейство уже находилось на яхте, Лед-

нев на минутку выскочил купить себе сигар, и в этот самый момент яхта запылала. Причина возгорания, как установили пожарные, – неисправность электрической части двигателя.

Спасти не удалось никого. Леднев был, как всегда, безутешен. Вот только у одного следователя возник вопрос: отчего это накануне пожара Леднев вынес с яхты дорогие картины новомодного художника Айвазовского, коллекцию серебра и старинный персидский ковер стоимостью в десять тысяч, но тому следователю быстро заткнули рот.

По делу Леднева я немедленно собрал заседание Тайного Суда. С очень горячим и убедительным обвинением выступил следователь Лежебоко, и в конце концов, члены Суда единогласно вынесли негодяю смертный приговор.

Для исполнения в Питер был направлен палач Тайного Суда Цыганов, но его судьбу ты знаешь, как и судьбу двух заседателей, посланных в объятую хаосом столицу вслед за ним.

После этого, ты должен понять, мне как председательствующему было невозможно прятаться в кусты, и вот я очутился здесь с миссией необычной и для адвоката, и для судьи: убить Леднева, ибо иного способа восстановить справедливость я уже не видел.

Но сперва надо было встретиться со следователем Лежебоко, что я и собираюсь сделать нынче же.

На сем оканчиваю описание своего столь затянувшегося первого дня в революционной столице. Уже и серенькое се-

верное утро брезжило за окном, и костры выглядели не так зловеще, как они выглядели в ночной тьме. Зачинался новый день, такой же непредсказуемый, как все дни в тогдашней российской столице.

Покуда я решил не испытывать больше судьбу на этой «хорошей фатере» и остановиться у Лежебоко, о чем тот еще в Москве настоятельно просил.

О моих дальнейших похождениях ты сможешь прочесть на последующих страницах. А покуда советую тебе посмотреть, что писали газеты в эти роковые для России дни.

Из бумажного хлама

За истекший день в городе:

- убитых среди бела дня – 148;
- подвергнутых насилию и надругательству – 520;
- вооруженных ограблений – 120...
- ...когда еще, в какие самые варварские времена...

...Неужели Господь отвернулся от России?!

...поэтому столь желаемый многими нашими товарищами (в первую очередь, товарищем Троцким) вооруженный переворот считаем преждевременным...

Зиновьев, Каменев

В зоологическом саду от недоедания сдох любимец питерской детворы бегемот по кличке Малыш.

Характерная черта времени: уже через полчаса от Малыша остался один скелет. Мясо было целиком содрано набегавшими женами рабочих.

Увы, угроза голода снова надвигается на многострадальный град Петра...

...Более 100 флотских офицеров были убиты матросами в Кронштадте, некоторые перед смертью были подвергнуты чудовищным издевательствам. Одного призыва к соблюдению дисциплины было достаточно, чтобы офицер получил пулю в голову или был выброшен за борт.

Штаб Балтийского флота позорно разбежался, и вся власть там нынче принадлежит некоему Центробалту, которым командует простой матрос с уголовным прошлым, некий Павел Дыбенко.

...добавить, что после февральских событий матросами были разграблены все военные госпитали Кронштадта и похищены все запасы морфия, что привело к повальной наркомании среди нижнего состава.

К настоящим дням запасы морфия иссякли, матросы от этого злы и неуправляемы.

...тот же Дыбенко говорит матросам, что в Петроградском

госпитале, кой расположен в Зимнем дворце, этого морфия пруд пруди, а защищает его всего лишь женский батальон...

...и по непроверенным данным, кронштадские матросы уже готовятся к морскому походу на Питер, чтобы добыть этот самый морфий, столь недостающий им. Наш источник сообщает, что к этому походу готовится крейсер «Аврора», оснащенный 6-дюймовыми пушками...

...когда еще, в какие иные времена?!..

...что армия фактически осталась без офицерского состава. Участились «братания» с немцами. Если бы у немцев не были так плохи дела на французском фронте, они без труда могли бы дойти хоть до Владивостока...

...что доблестный революционный дух приведет нашу славную армию к скорым и решительным победам.

Вперед же, к боям и славным свершениям! Страна Суворова и Кутузова еще покажет себя!

...война до победного конца! И этот победный конец уже близок! .

Керенский

Глава II

21 октября

Следователь Лежебоко. – О возможности использования китайских ваз. – Преображение «придсидателя». – Крысы

В

городе. – Мы со следователем готовим ограбление. —
«Хреном подпоясанные»

Дверь в квартиру Лежебоко была приоткрыта. На мой стук никто не отозвался, но я все-таки вошел.

Следователь Лежебоко впервые полностью соответствовал своей фамилии, то есть лежал на боку, в одном дезабилье, едва прикрытый своей шинелью надворного советника. В мою сторону он едва повел головой. Его крупное лицо с усами а Іа Иван Поддубный сильно обрызглою.

– А, это вы... – проговорил он сиплым голосом, без всяких эмоций, и снова повернулся лицом к стене.

Одного взгляда на его опухшее лицо было достаточно, чтобы понять, что следователь непробудно пил уже не первый день кряду. Это подтверждала и большая бутылка с мутным самогоном на столе, уже почти порожняя, и характерный сивушный запах, густо заполнявший квартиру.

– Что ж это вы, батенька, служитель закона, сами-то закон и нарушаете? – спросил я, кивнув на бутылку . .

– Какой, к черту, закон! – просипел он. – Нет нынче никаких законов, а стало быть – и их служителей больше нет. Так что разрешите представиться. – Он с трудом приподнял с подушки свою большую голову. – Отныне я – Ваш покор-

ный отставной надворный.

– И давно ли пребываете в отставке? – осведомился я.

Он наконец-таки соизволил повернуться ко мне лицом, перевалив свое грузное тело на другой бок:

– А вот как шлепнули недели две назад моего начальника, действительного статского советника Карла Фридриховича фон Корфа, с той поры и числю себя в отставке... О, Господи, – простонал, – куда катимся!...

По крайней мере, одно революционное действие я мог теперь назвать аж тремя наименованиями – «кокнули», «шлепнули», «таво».

Я спросил:

– И за что ж шлепнули его превосходительство?

Он зло отозвался

– А по-вашему, это в нынешние времена делается за что-то?! Да просто под руку кому-то подвернулся, к тому же – превосходительство, к тому же с немецкой фамилией. В общем, оказался не в том месте и не в тот час. Да и ведомство наше вышвырнули на улицу, там теперь Советы заседают.

– Так они, сколь я знаю, уже и все гостиницы в городе позанимали; что ж им, все места мало?

– Не извольте сомневаться, нахватают себе и еще. А уж что там натворили, вы б видели!..

– Но есть же еще и другая, законная власть; вы ведь ей подчинены – так сказать, по преемственности.

– Законная!.. Именно что – «так сказать»... – презри-

тельно проговорил он. – Думаете, она многим лучше? Цирк сплошной! Балаган! Война идет, а у них в товарищах военного министра – первейший убийца-бомбист, вдобавок модный литераторишка. Стрелять-то он, может, и умеет, на деле доказал; да вот только стрелять – в своих. А тут его против немчуры командовать поставили! Но это еще полбеды, настоящая беда – она не в том...

– И в чем же?

В ответ он произнес каким-то замогильным голосом:

– А в том, что крысы уже в городе...

Да, город был грязен до неузнаваемости, и крыс мне уже доводилось видеть даже на центральных проспектах, но считать это нынче главной бедой России... Похоже, наш отставной надворный находился на пороге белой горячки.

Видимо догадавшись, о чем я подумал, он сказал:

– И не надо так на меня смотреть. Я не о тех крысах, что с хвостами, я о других, о тех, что пострашней...

Похоже, срочно надо было как-то выводить беднягу из этого состояния.

– Ладно, ладно, Савелий Игнатьевич, – сказал я, – о крысах – это мы после, а пока надобно квартиру вашу проветрить, а то как-то оно не свежо. – С этими словами я стал отпирать засовы на одном из окон.

– Ради Бога, только не это! – завопил Лежебоко, привскочив даже.

Причину его вопля я понял только когда успел все-таки

приоткрыть окно. Приоткрыл – и тотчас захлопнул с омерзением, ибо со двора сразу ворвался запах давно не убранной помойки, в сравнении с которым запах перегара был сущей малостью, которую можно и не замечать.

– Что ж в вашем дворе помойки вовсе не убирают? – спросил я. .

– Не в одном только нашем, тут по всей округе.

– А дворники-то вообще имеются? .

– Какой там! Теперь у нас вместо дворницкой – Совет. В Совете, правда, те же самые дворники, но теперь они не убирают, а заседают. Теперь у них бывший старший дворник Макеич – председателем этого Совета. А убирать теперь «буржуазия» сама должна. Да я бы уж и сам убрал, а то никакой мочи нет; так ведь не знаю, куда вывозить. Этим вопросом другой Совет ведает.

– А вы жаловаться не пробовали? .

– Жаловаться?! – он сардонически расхохотался. – Кому?! Нет, право, неужели вы еще не поняли, что тут у нас творится?

– Где дворницкая? – не желая вдаваться в споры, спросил я.

– Пойти хотите? – усмехнулся Лежебоко. – Не советую. Да и нет никакой дворницкой. А Совет – он вон там, во флигеле камергера Осипова заседает. Хотите счастья попытать? Извольте. Заодно поймете кое-что. – И уже в спину мне прокричал: – Только, ради Бога, ради Бога, поаккуратнее с ни-

ми там!

.....

До камергерского флигеля, увенчанного плакатом «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ!», я не дошел, а домчался, зажав нос, и прямо в вестибюле застал сцену, поразившую меня даже после всего, что я уже видел здесь, в революционном городе. Некий субъект с красным бантом в петлице, стоя ко мне лицом, беззастенчиво мочился в старинную китайскую вазу. Кое-что я понимаю в искусстве и могу утверждать, что эта ваза относилась к седьмому или восьмому веку, то есть была по сути бесценной.

От вазы он отошел не оттого, что застыдился меня, а оттого, что иссяк. Не потрудившись отвернуться, застегнул штаны и спросил довольно сурово:

– Вам чего, гражданин?

Я в свою очередь спросил:

– А зачем вы, гражданин, позвольте полюбопытствовать, в вазу нужду справляете?

– А тебе что за дело?

– Да клозет же вон. А ваза эта ценная, ей больше тысячи лет.

– Ну и чё? Буржуазия в нее тыщу лет с...ала и с...ала, вот и мы, пролетарии, тыщу лет и с...ать, и с...ать в нее будем. И вообще, ты, гражданин, к кому?

– К председателю.

– Так это тебе во второй этаж, а тут – неча...

На втором этаже я открыл дверь с приклеенной бумажкой, на которой значилось: «Придседатель Совета».

«Придседатель» пил чай с сахаром вприкуску, куски от сахарной головы он откалывал рукояткой маузера. На меня он взглянул как на пустое место, и невозмутимо продолжил свое занятие. Несмотря на грозный маузер в его руке и на пурпурный бант в петлице, по висевшему на стуле белому фартуку с бляхой я понял, что это и есть тот самый старший дворник Макеич.

– Что ж это вы развели вонищу? – начал я прямо с порога. – Неужели самому-то не гадостно?

Теперь он оглядел меня более внимательно. Некоторое время пытался понять, что я за птица, но, не придя, видимо, ни к какому выводу, разъяснил вполне вежливо то, что я уже слышал от Лежебоки: мол, пушай буржуазия сама убирает, коль такая чувствительная, а они, пролетарии, привычные и уж как-нибудь переживут. Это, де, при Николашке Кровавом пролетарий горбатился; нонче же – не те времена.

– Мне что же, прямо в Петросовет звонить? – не вытерпел я.

«Придседатель» ухмыльнулся:

– Звони, звони, гражданин, коли такой борзый. Вон и аппаратик тебе. – Он кивнул на телефонный аппарат, стоявший у него на столе рядом с сахарной головой. – Только подожди малость, когда заработает.

Тут я увидел, что аппарат – это просто украшение стола, от него не тянулись никакие провода, так что ждать мне пришлось бы до второго пришествия.

Он произнес еще какую-то маловразумительную тираду насчет буржуазии, пролетариев и Николашки Кровавого, только-то при котором она буржуазия имела право на свежий воздух. Никаких ответных аргументов, чтобы пробиться сквозь его революционную демагогию, я не имел, кроме самого последнего. Я достал из кармана золотой полуимпериал с изображением того же ненавистного революционеру «придсидателю» Николашки Кровавого и несколько раз подкинул монету на ладони.

При первом подбрасывании «придсидатель» привстал и неуверенно почесал загривок.

При втором проямлил:

– Оно, конечно, надо бы и прибрать, а то и самим мочи нет...

При третьем подбрасывании случилось чудо преображения. Революционный «придсидатель» целиком оборотился в старшего дворника Макеича и заорал зычным басом, прозвучавшим для меня как музыка.

– Егорка, Мишка, Авдейка! А ну, живо сюда!

К этому моменту полуимпериал уже лежал у него в кармане.

В следующее мгновение на пороге появились те, кого он звал (один из них – тот самый любитель китайских ваз), и

замерли на пороге, подобострастно глядя на своего повелителя. Да, похоже, в бытность свою старшим дворником этот Макеич крепко держал в узде дворников рангом пониже, кем явно и были прежде эти гнобители буржуазии. У меня мелькнул в голове вопрос: как будет делиться с ними Макеич, монета же одна. Но у Макеича, привыкшего, видимо, делиться с ними лишь подзатыльниками, такой проблемы не было, он просто рыкнул на них:

– Чтоб через пять минут все было убрато, поняли, дармоеды?!

В тех не сразу вошло осознание диалектики случившихся перемен, они все еще стояли с открытыми ртами. Тогда Макеич выругался в Бога, в душу и в мать и затем, кивнув на меня, сказал:

– Вон, сам товарищ... – Он взглянул на меня вопросительно.

– Хреномудров, – представился я.

– Да! Вон, сам даже товарищ Хреномудров уже обеспокоился!

Придуманная мною фамилия, как это не странно, произвела немалое действие.

– Кто ж знал, что ентот – сам товарищ Хре... – пролепетал специалист по вазам, но Макеич его перебил:

– А тебе и знать неча! Чтоб, я сказал, через пять минут! – И, вспомнив, что он все еще «придсидатель», добавил к своим словам и вполне революционный аргумент – помахал в

воздухе маузером и пообещал в случае неповиновения всех отправить в расход, обогатив мой словарь еще одним новым оборотом.

Я тоже достал из кармана браунинг и тоже на всякий случай им помахал. Миг спустя те трое уже гроыхали сапогами по лестнице.

– И чтоб в вазы мне больше не гадили! – крикнул я им вслед.

– Во-во! – поддержал меня «присидатель» Макеич. И заверил: – Ребятки шустрые, не извольте беспокоиться, гражданин-товарищ Хреномудров, живо управятся. А вы – если чё – так сразу ко мне, очень даже будем рады.

Я прикинул, сколько у меня капитала, и пришел к выводу, что на ближайшее время относительно свежий воздух нам, пожалуй, обеспечен.

Ко времени моего возвращения Лежебоко преобразился даже больше, чем «присидатель»-дворник. Он встретил меня хорошо одетый, чисто выбритый, с лихо закрученными кверху усами а Іа Иван Поддубный, опухлость лица была почти не видна, пахло от него неплохим одеколоном. И бутыл с самогоном на столе больше не было. Передо мной стоял подтянутый, огромного роста и богатырского сложения, привычный мне судебный следователь Савелий Игнатьевич Лежебоко.

– Вот таким вы мне куда больше нравитесь, – сказал я. – Кстати, и окно можете смело открывать, хоть проветрим

немного.

– Неужто удалось? – поразился он. – Интересно бы знать – как?

Вместо ответа я подкинул на ладони еще один полуимпериал.

– Да, – согласился Лежебоко, – аргумент, хоть и не революционный, но вполне вещественный.

– Был и революционный аргумент, – сказал я и достал из кармана браунинг.

– Да, это они тоже понимают, – усмехнулся он, открывая окно.

В комнату хлынул почти свежий воздух. .

– Ну вот, уже можно дышать, – сказал я. – Если б еще и в комнатах прибраться...

Он отмахнулся:

– Да чего прибираться? Все равно убожество, чистый мизераблизм. Всей мебели – стол, пара табуретов да две кушетки. Были бы вы на моей прежней квартире на Екатерининском канале!

– А что же с той квартирой?

– Да выкинули меня из нее. Хорошо хоть не шлепнули сразу. Как узнали, что я при «проклятом царизме» судебным следователем был – так и выкинули. Там сейчас какая-то шишка из Советов с семьей проживает, говорят, друг самого Троцкого. А я – вот... – Он обвел рукой почти пустую комнату. – И мебель сейчас за керенки черта-с два купишь. Ну

да ладно, чем богаты, тем и рады, надеюсь, не будете в претензии. А когда-то мы с женой...

– Так вы женаты? – спросил я.

– Был, – ответил он сухо. – Теперь – вдовец.

– И давно?

Некоторое время он молчал, наконец сказал:

– Ладно, сознаюсь вам, облегчу душу. Я тогда умолчал на заседании Тайного Суда... Ведь Лизанька, моя покойная супруга, была подружкой Таисии, последней жены Леднева. Я-то и не знал, что Таисия снова вышла замуж, да еще за такого злодея. В тот день она как раз пригласила Лизаньку яхту нового муженька осмотреть, вот Лизанька вместе со всеми и сгорела. А умолчал, чтобы вы там не заподозрили меня в предвзятости... Да нет тут никакой предвзятости! Такие подлецы, как этот Леднев, в любом случае на свете жить не должны.

– Да, – согласился я, – предвзятости Тайный Суд не допускает, вас могли даже не выслушать.

– Ну вот! – подхватил он. – А надежда только на вас и была. Видите, изобличить его как убийцу мне не дали. Ну, допустим, изобличил бы его как революционера – и что? С ними, с революционерами, у нас как? Если в царя не стреляли, так и обходились с ними мягче мягкого. Вон, Ленин... Слыхали про такого?

Я покачал головой.

– Не беда, еще непременно услышите! Так вот, его из

ссылки отпустили за границу, здоровье поправлять. А уж сколько их самовольно из ссылки бегало – и не перечесть, хоть бы, к примеру, тот же Савенков. Уверен, с Ледневым было бы то же самое. – Лежебоко сжал кулак. – Нет, смерть ему, только смерть! И если вы считаете, что я, умолчав о своей беде...

– Ничего я такого не считаю, – перебил я его. – Увы, теперь Тайный Суд существует в одном лице, и это лицо перед вами. Я же целиком на вашей стороне, тем более что приговор Ледневу уже вынесен. Кстати, у меня появилась одна мысль. Если он, как вы считаете, провокатор Охранки, и если добыть бесспорные доказательства этого, то его шлепнут свои же товарищи по партии.

Он с сомнением покачал головой:

– Ну, не знаю, не знаю. Вон, Азеф жив, здоров, проживает, по слухам, где-то в Аргентине, а уж таких провокаторов поискать!

– Ладно, если они его упустят, тогда уж мы возьмемся за дело. Но при отсутствии профессионального палача, можно сначала попробовать – чужими руками.

Лежебоко вздохнул:

– Может, вы и правы... Но признаться, будет жаль, если он пулей отделается. Как там у вас в Суде: палка, камень, веревка... – В глазах его заиграли злые, безумные огоньки. – Страдать он должен перед смертью, вот что я вам скажу! – И, увидев мой взгляд, спросил: – Что, не нравлюсь я вам такой?

– Еще меньше вы мне нравились, – сказал я, – когда давеча бредили про каких-то крыс.

– Про крыс?.. Ах, да... Но я и не бредил вовсе, а про крыс просто фигурально сказал. Хотя они, конечно, крысы, но только в человеческой плоти. Так вот, они уже тут, в Питере. Всегда сползаются туда, где близкую беду чувят.

Нет, на безумца он был не похож..

– Да о ком вы, Савелий Игнатьевич, о каких таких крысах в человеческом облике?! – спросил я

– А сами еще не догадались? Про тех подземных монархов, про короля с императором, про Луку и Фому!..

Дальше, сын мой, наш разговор покажется тебе разговором уже двух безумцев, но мы с ним знали, о чем говорим. Ты тоже поймешь, если прочитаешь статьи, которые я тут приложил. Уверяю тебя, там многое правда. И не дай тебе Бог, если этих Луку и Фому ты когда-нибудь увидишь воочию!

.....
(Так уж сложилась моя судьба, что мне потом довелось-таки их увидеть, причем не раз. И тоже могу подтвердить, что последующие записки отнюдь не плод разыгравшейся журналистской фантазии. – Ю. В.)

Из бумажногохлама

...поделиться с читателем тайной, в которую волею судьбы мне удалось проникнуть.

Мир наш причудлив, в него, как в матрешку, вложены многие миры, и кажется, несть им конца. Но вот случилось так, что вашему покорному слуге удалось проникнуть в самый нижний из миров, ниже которого, наверно, только сама Преисподняя, а может, он сам Преисподняя и есть.

Какую власть мы можем считать самой древней? Власть египетских фараонов, каких-нибудь шумерских царей? О, нет, их власть преходяща и далеко не так уж прочна. Есть иная власть, уходящая корнями в глубь самого человеческого естества. Это – власть Голода. Она была всегда и везде! Нищета и помойки – вот символы этой власти.

Неизвестно когда возникла их империя, но, поскольку свято место пусто не бывает, еще в немыслимой древности эта безликая власть воплотилась во вполне зримых властелинах. Они именуют себя Королем Нищих и Императором Помоек. Безусловно, их династии – самые древние на Земле.

Невозможно очертить границы их царств, ибо едва ли существует в мире место, где нет ни помоек, ни нищих. Там есть даже свой язык, столь древний, что он вряд ли знаком хоть одному лингвисту.

Власть монархов безмерна, их личные богатства поистине неисчислимы. Хотя их подданные живут в полной нищете, они, как пчелки, неумоимо несут в казну заработанные ими грошики, центыки, сантимы и т. д.

Горе тому, кто навлечет на себя гнев монархов. У него не будет ни малейшей возможности скрыться, ибо их подданные – везде, нет такого места, где они не смогли бы настигнуть провинившегося, а последующая за этим казнь поражает воображение своей жестокостью.

Монархов отличают династические уродства – у кого третий глаз на брюхе, у кого врожденный горб. У знати рангом пониже уродства менее заметны – у одних по шесть пальцев, у других рудиментарные хвосты, и проч.

Монархи беспрерывно меняют свое местонахождение, но с уверенностью можно сказать: они всегда там, где сильнее голод, где страшнее озлобленность народа, где больше нищеты и убогости...

(Одна страница, видимо, утеряна, осталось только самое окончание статьи. – Ю. В.)

...этих монархов, имена которых с веками не меняются:
Лука и Фома

...Бедная Россия! Именно ты теперь стала пристанищем страшных уродов! Именно здесь звучит их клич: «ЫШ АБА-РАК БУЗЫК! », слышанный мною здесь, в Петрограде, уже не раз.

О том же, как я проник в их чертоги и о быте и нравах подземных царств читайте в моих следующих публикациях.

N. N.

...с прискорбием сообщить о трагической гибели одного из лучших журналистов России, публиковавшегося под инициалами N. N. Подлинное имя его Иван Петров-Разумный.

...не считаясь ни с какими опасностями, проникал туда, куда был заказан путь малодушным...

...в том числе и его последнюю публикацию, касающуюся Королевства Нищих и Империи Помоек...

... с переломанным позвоночником, не в силах шевельнуться, был заживо съеден крысами. К груди его была приколота записка: «Уроды не мы, ты сам урод! Ыш абарак бузык!»

...Светлая память о нашем товарище...

(Дальше оборвано. – Ю. В.)

.

(Продолжение)

Едва Лежебоко упомянул про Луку и Фому, холодок пробежал по моему телу. Однажды мне довелось-таки повстречаться с этими монстрами по делам Тайного Суда (не стану сейчас рассказывать, что за обстоятельства привели к этой встрече), и скажу тебе – не было более страшных мгновений в моей жизни.

– Вы что же, видели кого-то из них? – спросил я.

– То-то и оно! С глазом на брюхе. Брр, мерзость!

– Не могли ошибиться?

– Какие уж ошибки! И видел, и слышал. «Ыш абарак бузык!» – это что, ошибка, по-вашему? Да и чему удивляться? Уж кому нынешний Питер и может быть люб – так это им!

– Да, тут вы правы, – согласился я. – Но против этой силы мы беспомощны, так что лучше и не думать. Давайте пока – о более насущном: как быть с Ледневым? Просто пристрелить его практически невозможно, он все время в окружении какой-то шайки – то ли своих однопартийцев, то ли просто нанял какой-то сброд. Помните судьбу нашего палача Цыганова и двух заседателей? То же и нас ждет, если попытаемся приблизиться к нему. Поэтому считаю все-таки мой план – раскрыть его как осведомителя перед его же революционной братией – наиболее эффективным..

– Ну что ж, – вздохнул Лежебоко, коли иначе нельзя, давайте хоть так будем действовать... Вы, однако, вижу, о чем-то задумались?

– Да, – кивнул я. – Чтобы нам поверили, нужны совершенно бесспорные доказательства.

– Например?

– Ну, например, личная подпись Леднева под его донесением в Охранку... Но увы, это уже из области чистых мечтаний.

– Не вижу повода для пессимизма, это дело вполне выполнимое.

– И кто ж вам даст такую бумагу?

– Никто не даст. Так мы и просить не будем. Сами возьмем.

– Где?!

– Где лежит – там и возьмем. В Охранном отделении.

– Вы с ума сошли!

– Напротив – пребываю в самом здравом рассудке. Хоть она и Охранка – только ее самую сейчас никто не охраняет. Придем ночью и заберем все, что нам нужно.

– Хороши ж мы будем, если попадемся на грабеже, – сказал я. – Один – судебный следователь, пускай даже в отставке, другой – присяжный-поверенный. А уж что в газетах напишут!

– Так вы что, против?

– Нет, отчего же, – ответил я, – напротив – целиком «за». Вы правы, нынче такое время, что это вполне даже выполнимо. И когда же вы полагаете провести ограбление? (Ах, слышал бы кто-нибудь из моих подзащитных то, о чем говорит с судебным следователем их адвокат!).

– А чего долго тянуть? Нынче же ночью и провернем это дело.

На том мы и порешили с какой-то хлестаковской «легкостью в головах необыкновенной».

.....

Сейчас, когда пишу эти строки, уже сгущается вечер, и опять по городу зажигаются зловещие костры. Кто там, у

этих костров? Революционисты? дезертиры? простые бродяги? А может, налетевшие на измученный город, как мухи на мед, люди Луки и Фомы? Иди знай!..

Через час мы с Лежебокой, как говаривали мои подзащитные, «идем на дело». О том, чем оно закончится, напишу завтра, если благополучно ноги унесем. А сейчас, пока есть время, расскажу тебе еще об одном сегодняшнем происшествии, случившимся с нами – и не потому, что оно как-то связано с остальными событиями, а просто хочу добавить еще один штрих к описанию тогдашнего Петрограда.

Обладая лишь ничего не стоящими листами с керенками, Лежебоко уже месяц перебивался с хлеба на квас, и я, решив накормить его по-человечески, позвал следователя в ресторан. О том, что такой поход может оказаться опасным, я еще не знал, поэтому удивился его вопросу:

– Вы из своего браунинга хоть раз стреляли?

Должен без лишнего хвастовства сказать, что стреляю я отменно. С трех уроков научился попадать в алтын с десяти шагов. Говорят, это – врожденное; может, и у тебя когда-нибудь проявится. В общем, вместо ответа я, почти не целясь, снял пулей нагар со свечки; опасаться было нечего – на грохот выстрелов в этом городе давно уже никто не обращал внимания.

– Что ж, – сказал Лежебоко, – в таком случае, можно и в ресторан.

Сам он вложил в карман такой же, как у меня, кожа-

ной куртки здоровенный американский кольт 45-го калибра, очень подходивший к его богатырской комплекции, с тем мы и отправились из дому.

..

.....

Еще один штрих времени – перед входом в ресторан, что на Невском, швейцар, прежде, чем впустить, требовал, чтобы посетитель прежде показал ему деньги, с какими сюда пожаловал. Если у посетителя имелись только керенки, то двое дюжих парней, приставленных к швейцару, вкрадчиво объясняли бедолаге, куда ему с этим мусором следует проваливать. На 250-рублевки нового образца швейцар кривился, но пока что пропускал.

Я показал ему царский «угол», и швейцар почтительно сам провел нас в залу. Сразу подбежал половой осведомиться, что угодно господам. Я решил не скупиться и наказывал уйму всякой снеди, и стерляжьей икры, и уху из осетра, и рябчиков.

Половой обслуживал с подобострастием, как в старорежимные времена, не то что других посетителей. Видно, на такое обхождение имели право только обладатели «углов» и «каты».

Лежебоко накинулся на еду со рвением, любо было на него смотреть! Даже хрящики осетровые сжевывал, было видно, как давно он не пробовал подобных яств.

Когда, однако, дело дошло до рябчиков, случилось то, что он и имел в виду, кладя в карман свой кольт. Дверь распахнулась, и в залу по-хозяйски вошли четверо с красными бантами в петлицах. У меня накопился достаточный опыт в ведении уголовных дел, чтобы и по их рожам, и даже по их весьма характерной походочке понять, что в ресторан нагрянули самые что ни есть «иваны», а красные банты их – это так, из бандитского форса. Все четверо держали в руках грозные маузеры.

Половой, столь любезно обслуживавший нас, оказался, как видно, их наводчиком. Он сразу подбежал к «старшему», верно, из «иванов», что-то ему шепнул, указывая в нашу с Лежебокой сторону, и вся четверка тут же двинулась к нам.

Лежебоко толкнул меня под столом ногой, но я и так уже держал в кармане руку на браунинге. У бывшего следователя тоже одна рука легла в карман.

Подойдя к нам, «старшой», здоровенный дылда со шрамом на щеке, прорычал:

– Тугаменты покаж, буржуázия.

Следом подскочил маленький, почти мальчишка, и визгнул:

– И «лопатники» пущай ложат на стол! Слыхали, буржуázия?

Лежебоко, – не ожидал от него такой прыти, – очень ловко ухватил «шестерку» двумя пальцами за нос, так, что у того сразу закапала из носа кровь, и спокойно сказал «старшо-

му»:

– Плохо вы воспитали своих людей – наперед батьки в пекло лезут. Так вам что вперед, «лопатники» или «тугаменты»? – И хотя три маузера уже были нацелены ему в лоб, так же невозмутимо продолжил: – Только хотелось бы знать – вы от какой партии будете, товарищ?

– Шлепни его, Иван! Шлепни! Борзой больно! – загнул свил малец с прищемленным носом.

На его писк «старшой» никак не прореагировал, он сказал:

– Мы-то? Ну, из «хреном подпоясанных», мало тебе. Ложи лопатник, тебе сказано, пока в лобешник маслину не получил.

Лежебоко отпустил нос парня и закатил ему такого леща, что тот осел на пол, а сам произнес как-то даже радостно:

– Ну, раз «хреном подпоясанные», тогда иной разговор, – и с этими словами мгновенно выхватил из кармана свой 45-й калибр.

«Старшой», державший свой маузер стволом вниз, не решился его поднять и попятился, я, однако, увидел, что один из их братии, стоявший сзади и заслоненный другими, едва заметно поднимает свой ствол и тихо взводит курок, чего Лежебоко явно сейчас не видел.

В его маузер я и выстрелил из своего браунинга.

Его пистолет упал на пол вместе с оторванным пальцем, прилипшим к спусковому крючку. Раненый завизжал, закру-

тился волчком, пересыпая свой визг матерной бранью и забрызгивая кровью рядом стоящие столики.

– Так что, гражданин хреном подпоясанный, забирай своих инвалидов и давай-ка отсюда по-быстрому, пока женилку не отстрелили, – посоветовал Лежебоко.

Его совет, подкрепленный двумя нашими стволами, направленными на него, был выполнен незамедлительно. В следующий миг «хреном подпоясанных» уже не было в зале.

Из-за соседних столиков прозвучали аплодисменты в наш адрес. Половой, тот самый наводчик, «на цырлах», как говорят в их мире, снова подскочил к нам:

– Браво, господа! Чего-нибудь еще желаете?

– Еще рябчиков, – сказал Лежебоко, – что-то у меня аппетит разгулялся.

– Айн момент! – Половой упорхнул и в следующий миг снова появился с блюдом, полным дымящихся рябчиков: – Завсегда рады! Угощайтесь, граждане-товарищи.

– Угостимся, можешь не беспокоиться, – отвечивал Лежебоко. – Только не здесь – что-то сквозит у вас тут. Заверни-ка нам эту снедь, заберем с собой.

– Слушаю-с!

Еще миг – и куль с рябчиками был уже у меня в руках. Мы стали подниматься из-за стола.

– Тока с вас... – проговорил половой. .

Брови у Лежебоки поднялись.

– Что? – спросил он.

– Двадцать пять рубликов... Да можно и полуимпериальчик... А ежели керенками...

Я уже полез в карман за деньгами, но бывший следователь перебил его:

– Ну-ка, братец, повернись-ка, – попросил он.

Половой беспрекословно повиновался, и тогда Лежебоко дал ему такого пинка ногой в зад, что тот пролетел через всю залу, пока его не остановила встреча со стеной.

Снова слышались аплодисменты, кто-то даже крикнул: «Браво!»

– Ну как, – спросил Лежебоко у трясущегося возле стены полового, – этого полуимпериальчика тебе довольно или до полного империала добавить?

– Никак нет, все за счет заведения, – дрожащим голосом отозвался тот.

Мы двинулись к двери. Перед выходом Лежебоко обернулся и сказал половому:

– Смотри, братец, мы с товарищем сюда еще как-нибудь наведаемся. Узнаю, что ты снова «иванов» наводишь на это заведение, – такой империал от меня грешного получишь – не встанешь уже. – И на прощание так саданул дверью, что сверху труха посыпалась.

Раззадоренные этим приключением и веселые, до дому добрались без приключений – видимо, сами приключения подобного рода теперь опасались нас. Я уже почти не сомневался в благополучном исходе предстоящего нам дела.

Лежебоко, едва мы вернулись, сразу высыпал из куля на блюдо всех рябчиков и предложил мне продолжить прерванный обед. Я, со своей стороны, от продолжения трапезы отказался – хотелось, чтобы мой новый друг наконец наелся всласть. Лежебоко не стал меня уговаривать и приступил к еде с таким усердием, что через десять минут от рябчиков ни одной косточки не осталось.

Теперь можно было и приступить к обсуждению деталей нашего грядущего мероприятия, ограбления, то есть.

Но это обсуждение длилось гораздо меньше времени, чем поедание рябчиков. Лежебоко лишь сказал, что приступим в три часа ночи, что предприятие это нехитрое, тут даже и говорить лишне, и что самое лучшее – это сейчас вздремнуть, чтобы «пойти на дело» со свежими силами. С этими словами он улегся на кушетку, и уже в следующую минуту задал такого храповецкого, какой задают, как у нас считается, только люди с чистой совестью.

.

Из бумажного хлама

...и увы, как следует из статистики, недоедание снова становится в Петрограде самой распространенной причиной смертности среди детей рабочих...

...участились случаи поедания кошек и собак.

...можно сказать, что никакой полиции в городе нет и в помине.

... а убитым за сущую безделицу и даже вовсе безо всякой причины может быть любой....

...участившиеся случаи разбоя в ресторанах, куда преступники приходят в поисках легких денег.

...сообщить, что гражданин Леднев, известный меценат и член Петроградского Яхт-клуба, менее года назад овдовевший при всем известных печальных событиях, вновь намерен сочетаться узами брака.

...однако причины, по которым имя его новой избранницы пока держится в тайне, пока не известны. Известно лишь то, что она, как и его прежняя, усопшая супруга, тоже нынче вдова и мать троих детей, что, видимо, не случайно, ибо хоть так г-н Леднев скорее всего надеется восполнить утрату горячо любимых им детишек, погибших в том пожаре на яхте....

Представляется отрадным, что даже в наше тревожное время, время подорванной нравственности, законные узы Гименя еще чтутся лучшими из наших граждан.

(Из газеты «Питерский вестник»)

22 октября

Костры. – Обер-камергер и Васютка Бык. – Мы находим «клад». – «Муха», «Фикус», «Храбрый Роланд» и прочие. – Началось!

Итак – про наше ночное предприятие.

Хотя Лежебоко сказал, что начнем его в три часа ночи, из дому мы вышли гораздо раньше, идти-то предстояло пешком, брать извозчика было рискованно, он мог бы нас запомнить.

То и дело мы натыкались на какие-то заставы из вооруженных людей с красными бантами. У нас, впрочем, в петлицах, были такие же банты, поэтому отношение к нам было вполне снисходительное. Документов никто не проверял, просто спрашивали, кто мы такие, и вполне довольствовались любым ответом. Один раз я из озорства снова назвался товарищем Хреномудровым, и услышал в ответ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.